

Александр
Сегень



ДЕДОВ КРЕСТ

Рассказ

Мой дед по материнской линии Тимофей Степанович Кондратьев родился в многодетной крестьянской семье на Смоленщине, в ныне уже не существующем селе Высоцком Вяземского района на границе с Сафоновским районом. Это – рядом с Изьяловым, Никулиным, Старым Селом, Богородицким, Артемовым, Черным, в среднем течении речки Вязьмы, правого притока Днепра. Крестили его в день апостола Тимофея, 22 января по старому стилю. У деда были четверо братьев – Артемий, Павел, Степан и Иван, и сестра Евгения. Отец – Степан Семёнович, мать – Анастасия Васильевна. Крепкая крестьянская семья, которую затем ветер революции рассыпал по стране.

В 1915 году моего деда призвали на войну, он воевал на германском фронте, в рукопашном бою уложил одного немца, вел себя храбро и потерял мизинец и безымянный палец на правой руке, заслоняясь от вражеского штыка винтовкой. В приказе о награждении его солдатским знаком отличия ордена Святого Георгия было сказано: «За доблесть в бою и умелое спасение жизни солдата Российской Империи». Имелась в виду его собственная жизнь.

Моя бабушка, Клавдия Федоровна, в девичестве Карпушова, родилась в тех же местах, что и дед, и тоже в многодетной крестьянской семье. У нее было шесть сестер и один брат. За деда моя бабка вышла в возрасте шестнадцати лет вскоре после Рождества Христова 1919 года. А Тимофею Степановичу тогда исполнилось двадцать четыре. В первые годы дети у них рождались мертвые. Бабушка сваливала вину на свекровь, заставлявшую ее слишком много работать. Еще она как-то призналась мне, что, будучи девушкой, мечтала о старшем брате Кондратьевых – Артемии, а вышла за Тимофея после того, как Артемий женился на ее дальней родственнице Полине. Попад в дом мужа, она первые годы много плакала, вспоминая родной дом, своих добрых родителей, Федора и Ольгу.

В 1922 году мои дед и бабка стали жить своим домом, и через год у них благополучно родился первенец – Федор Тимофеевич. Затем, в 1928-м, появился на свет мой будущий крестный – дядя Саша, Александр Тимофеевич. А еще через три года родилась моя мама, Нина Тимофеевна.

В тридцатые годы пришла коллективизация, а мой дед был ее яростным противником, потому что в его работающей семье всё ладилось, жили с достатком, даже на окнах были разноцветные стекла – синие и красные уголки. Имели трех



лошадей, трех коров, множество другой скотины и птицы. Богач, противник колхозов, да еще и герой империалистической войны, кавалер знака Святого Георгия... Над моим дедом нависли тучи. Местная большевизия вот-вот должна была его раскулачить и отправить с семьей в Сибирь. По совету своего старшего брата Артемия, служившего в рязанской ЧК, он даже свой Георгиевский крест закопал в укромном месте на огороде, когда пустили слух, что всех, у кого таковые найдутся, будут на месте расстреливать. Потом, спустя годы, он приедет, будет искать, где подарил земле свою награду, да так и не найдёт, а бабушка, получившая в годы Великой Отечественной две медали, будет дразнить его:

– Мои-то вот они, а твой-то крест где, Тимох? А Тимох!

– У Артемия спроси, – угрюмо отвечал дед.

В 1937 году под угрозой раскулачивания Тимофей Степанович с женой и тремя детьми перебрался в Москву. Своего угла у них не было больше года. Брат деда служил в московской милиции и договорился, чтобы их пускали ночевать в одну многокоммунальную квартиру, где было две ванных комнаты. В одной из этих ванных они и ночевали, а днем оставались без жилья, то есть, по нынешним понятиям, бомжевали. Бабушка устроилась уборщицей в отделение милиции, а дед – в Метрострой, от которого получил, наконец, собственное жильё – комнату в бараке.

В 1941 году пропал без вести в Вяземском котле их старший сын Федя, дед голодал в резервных войсках, а бабка рыла окопы на подступах к Москве. После войны семья ещё долго ютилась в метростроевском бараке, в котором и я сам появился на свет ровно за два года до полёта Гагарина в космос.

Деда я обожал больше всего на свете, потому что он возился со мной постоянно. Научившись говорить, я звал его «дедушка Темноша», на что бабушка смеялась:

– То-то и есть, что Темноша! У церкву ходить перестал, будто нехристь какая.

– Как раз те-то и темные, кто в церковь ходит, – возражал дед, считая, что разуверившись в Боге, он обрел некое прогрессивное знание.

А когда-то, живя в деревне своим хозяйством, он сохранял традиционное православие. Однажды он мне рассказывал:

– Бывало, каждое воскресенье мы ходили в церковь, а она в пяти верстах находилась. Так я, бывало, сапоги свяжу верёвочкой, перекину через плечо, один сапог на спине, другой на груди, и так до самой церкви. Перед церковью сапоги надену, и в храм Божий в сапогах иду. Обратное снова босиком. Оттого у меня сапоги никогда не снашивались, не то что нынче у городских.

Дед почему-то называл меня не по имени, а мальчишкой. Всегда заступался за меня перед мамой и бабушкой, когда я проказничал и должен был получить заслуженных поцелуев ремня.

– Как хотите, но мальчишку я в обиду не дам!

Во втором классе я нахватал двоек после многодневных увеселений на ледяной горке, и мама решила, всё-таки, всыпать мне по первое число. Так дед, уже облачённый в голубой кальсоновый костюм, бросился и принял на себя несколько ударов ремня, как некогда бросался на германские штыки. Мама пыталась ударить меня, заходя то слева, то справа, но дед подставлялся, защищая своего мальчишку.

При этом, что греха таить, недостатков у моего деда имелось в достатке. Он и к рюмочке прикладывался, и от бабушки не прочь был гульнуть на сторону,

и матерился порой. Из всех народов он любил только русский, раздражаясь на прочие. Хотя национализм у него был смешной, и я всегда хохотал, когда он украинцев называл «чулы-булы», а кавказцев «чхари-ари»:

– Работать невмоготу стало, – жаловался он, к примеру, – понапринимали всяких чулы-булы да чхари-ари, а они делать ни хрена не хотят!

А я:

– Как-как? Кого напринимали?

Это чтобы он ещё раз повторил, а я ещё раз упал на диван со смеху.

Было время, когда, по его собственному признанию, он «на бутылочке женился». Но потом перешёл исключительно на пиво. В одну пору прошла компания по переводу русского народа с кривых водочных рельсов на пивной автобан, и деду в его депо после смены выдавали три литра бесплатного пива. Он тогда так и ходил на работу с большим алюминиевым чайником. Вечерочком я его всегда поджидал, потому что он являлся с этим вкусным холодным напитком, плещущимся в чайнике, и наливал мне кружечку. Бабушка и мама, конечно же, возмущались:

– Тимох, ты что, ошалел?

– Отец, сопьётся мальчишка твой!

А он возражал:

– Неправда. Курс на пиво взят и одобрен партией и правительством.

Курс самого деда чаще всего шёл в разрез с курсом домашней партии и правительства в лице мамы и бабушки. Особенно жаркие споры шли у него по поводу хождения бабушки в церковь:

– Вместо того, чтобы мне лишние носки купить, ты попал деньги носишь. Все попы в моих носках ходят! Пойду да и заставлю их снять.

– Не пори ерунды, – вздыхала бабушка, – А то у тебя носков не хватает. А у церкву бы надо тебе сходить, Тимох. Ведь с до самой до войны не ходил, тридцать лет в нехристях!

– Умру, а не пойду!

– Вот умрёшь, так как раз и пойдёшь у церкву.

– Это как это?

– А вот так. Не своими ножками, конечно же, а понесуть тебя, ирода, у гробе.

– Вот ты что затеяла! Учти, Клавдя, если только, когда я помру, ты меня отпевать понесёшь, я из гроба в церкви встану и за волосы тебя надеру. Так и знай. Стыдно тебе будет.

– Так, прям, и встанешь!

– Встану.

– Мёртвый? Иде ж это видано?

– Назло тебе оживу на пять минут. Мне хватит, чтоб из тебя космы выдрать.

– А всё потому, – сердилась бабушка, – что ты свой крест закопал.

– Какой?

– Георгиевский, какой же ещё! Вот без креста и остался.

– Клавдя, я счас смерти дожидаться не стану, выдеру тебя, как сидорову козу!

Справедливости ради следует признать, что при всём многообразии угроз, которые дед иной раз посылал в сторону своей жены, он ни разу мою бабушку пальцем не тронул. И она это уважала:

– Тут нечего сказать, никогда даже не замахнулся на меня. А и то, пусть бы только попробовал!

Та ещё была парочка, мои дед и бабка. По-своему любили друг друга, но увлекались особым видом спорта – дразнением. К примеру, дед терпеть не мог, когда она лезла ему помогать в домашних мужских делах. Вот он пилит дощечку, а бабушка сзади подкрадётся и рукой схватится, чтобы эту дощечку придержать.

– Ну едрит же твою налево! – взвѣётся дед. – Клавдя! Возьму да и отпилю тебе руку-то!

– И это вместо спасибо! Да если б не я, ты бы криво отпилил.

– Да уж, без тебя у меня всё бы криво было!

– А что, не так разве?

Когда отмечалась их золотая свадьба, собрались гости, дед и бабка сели во главе стола, как два голубка, всё чин по чину. Кто-то крикнул:

– Горько!

Дед и бабка встали, собрались было поцеловаться, а мой Тимофей Степанович вдруг схватил со стола бутылку водки и её чмокнул во все уста. И сказал:

– Вот моя любимая, да после инфаркта разлучили меня с ней врачевредители!

Бабушка, конечно же, обиделась, но ненадолго. Минут через пять рассмеялась:

– Теперь все увидели, какой ты у меня, Тимох, дуравило!

Он потом лез к ней исполнить своё «горько», да она уж ни в какую.

Ещё один грешок водился за моим дедом – он любил проехать в общественном транспорте «зайцем». Никогда не забуду постыдного предательства, которое я совершил по отношению к нему. Дедушка всегда старался сэкономить на всем. Бабушка часто ругала его, когда он в булочной покупал самый дешёвый серый хлеб.

И вот однажды его зацапал контролер. Я показал свой школьный проездной, а у деда – ничего нет. Контролерша стала его стыдить:

– Пожилой человек, а не платит! Мальчик, это твой дедушка?

И тут я, подлец, готовящийся в пионеры, сквозь зубы ответил:

– Впервые вижу.

И отвернулся к покрытому морозным инеем окну.

До сих пор горю от стыда за это отвратительное предательство. Прости меня, дорогой дедушка Темноша! Ты бы за меня в огонь и воду, под мамин ремень бросался, защищая меня, а я...

Через три года после золотой свадьбы мой дедушка Темноша умер. Смерть сразила его внезапно. В последние годы он подрабатывал тем, что мастерил фанерные ящики для посылок и продавал их на колхозном рынке. Его постоянно гоняла милиция, которой было скучно жить в виду полного отсутствия у нас в стране какой-либо преступности, кроме незаконного моего деда предпринимательства. И вот в тот роковой день Тимофей Степанович сколачивал очередной фанерный ящик, как вдруг прихватило сердце. Настоящие герои умирают со словами: «Да здравствует Родина!», «Всё остаётся людям!», «Дети, берегите мать!» и так далее. Мой дед, кавалер солдатского креста ордена Святого Георгия, помер, успев лишь пробормотать:

– Валидол! Валидол! Валидол!

Добежал до кровати, упал на неё и – каюк.

Вернувшись из школы, я не мог поверить. Сидел на стуле возле мёртвого деда, и мне казалось, что грудь его тихонько колыхнется, что он скрытно дышит, притворяясь мёртвым. Да я сам сколько раз, бывало, играя в войну, притворялся мёртвым и старался почти не дышать для полного правдоподобия. Вот, думаю, и дед туда же...

Бабушка, вопреки атеистической воле покойного, заказала отпевание. Гроб принесли в храм Рождества Христова в селе Измайлове, где некогда отпевали дедова отца Степана Семёновича и дедову мать Анастасию Васильевну. Начался церковный чин. Я смотрел и смотрел на деда, лежащего в гробу, и хорошо помню, как впервые совершил неожиданное открытие – изменение лица отпеваемого покойника. Поначалу лицо дедушки Темноши сохраняло неприступный мертвецкий вид, серый и несколько обиженный, что ему так и не подали вовремя валидол. Уголки губ устремлялись вниз к подбородку, и поневоле каждый испытывал вину перед ним, что все ещё живы, а он вот лежит в своей последней деревянной постели.

Но что такое? Чем дольше шло отпевание, казавшееся мне и без того нескончаемым, тем больше просветлялось лицо моего деда. Будто из Темноши он превращался в Светлошу. Обиженные складки под уголками губ сгладились и исчезли, лицо из серого стало белым и даже как будто слегка порозовело. А главное, что на этом ещё недавно огорчённом лице появилось некое чувство удовлетворения и даже благодати. И это при том, что ушёл он из жизни убеждённым атеистом, не причастившись и не исповедавшись.

Сколько раз я потом убеждался в том, что во время отпеваний часто происходит то же самое удивительное явление. Словно человек, доселе недовольный, что пришлось покинуть тёплую и обжитую жизнь, вдруг получил какое-то удовлетворение свыше, и не только смирился со смертью, но даже и рад ей.

А тогда я впервые, увидев это, стоял и удивлённо взирал на дедушкину метаморфозу.

Бабушка стояла рядом со мной справа, проливая скупую слезу, поскольку вообще всегда была скупа на слёзы, утиралась уголком платка и неотрывно смотрела на своего ушедшего мужа.

Потом вдруг легонько толкнула меня в плечо, наклонилась и произнесла лужавым, слегка озорным тоном:

– Глянь-ка! Не встаёт!

Лет через десять на Измайловском вернисаже я купил настоящий солдатский Георгий. Увидев его, бабушка задумалась и сказала:

– Кто знает, может, это Тимохов крест. Откопали, привезли да и продали тебе.

Мы вместе с ней поехали на Николо-Архангельское кладбище, я выкопал в дедовой могиле глубокую ямку и положил в неё Георгия. А когда засыпал его землёю, бабушка сказала:

– Возьми, Тимоша, крест свой. И не теряй его больше.

